

Аня
ПОЛЯКОВА

Саша
ВЕТРОВА

Пайный
НАСЛЕДНИК
ДЛЯ ГРЕЧЕСКОГО
МИЛЛИОНЕРА

**Аля Полякова
Саша Ветрова
Тайный наследник
греческого миллионера**

<https://litres.ru/74141782>

SelfPub; 2026

Аннотация

— а ваш Гриша такой темный кудряш, вы и волосы ему не стрижете, а красиво так лежат, — щебечет женщина. — И глаза синие-синие. Наверное, в папу?

Я вздрагиваю.

— Что?

— В папу, говорю, такой красивый? У вас муж, наверное, брюнет? Вы-то блондинка

— Да, — отвечаю рассеяно. — Он очень похож на папу

На мужчину из моего прошлого, которого я вижу через лобовое стекло припаркованной недалеко машины.

Отец моего сына — греческий миллионер Джордж Ниархос, с которым я познакомилась во время отпуска в Афинах. У нас была лишь одна ночь на борту его яхты, после которой он исчез, поручив своему помощнику избавиться от меня. А я вернулась в Москву, еще не зная, что кроме воспоминаний привезла с собой ребенка под сердцем.

Несмотря на отсутствие какой-либо поддержки я сохранила малыша. И вырастила его вдали от родины отца, даже не думая, что когда-то вновь встречу с Джорджем. Но жизнь вновь сводит нас на приеме в греческом посольстве. Он — с невестой, я — с подносом в руках.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	47
Гл	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Тайный наследник греческого миллионера

Глава 1

В зале греческого посольства пахнет деньгами.

Я научилась распознавать этот запах за три месяца работы в кейтеринговой компании — смесь дорогого парфюма, выделки кожи престижных автомобилей и легкого высокомерия, которое чувствуется даже в том, как гости берут бокалы с моего подноса.

— Елена, не спи! — шипит администратор Анастасия, останавливаясь рядом. — Улыбайся, грудь вперед, поднос выше. Это элитные гости, поняла? Ошибешься — вычту из зарплаты!

— Хорошо, — бормочу я, подавляя зевок.

Сын сегодня всю ночь не спал: перегулял на дне рождения у друга, перевозбудился. На дневной сон тоже не удалось уложить — теперь вот клюю носом, мечтая только об одном: дожить до конца вечера и не упасть в обморок прямо здесь, среди этих надменных лиц.

— Ленка! Я что сказала? Улыбайся и двигайся, давай. Я тебя сюда позвала что делать? На мужиков смотреть? Работай! — шикает Анастасия, недовольно оглядывая меня с го-

ловы до ног.

Настя моя ровесница, мы даже дружили когда-то в университете, но маленькая власть делает людей невыносимыми. Особенно таких, как она — вечно всем недовольных.

— Иду-иду

Я послушно вскидываю поднос с шампанским и расправляю плечи. Белая блузка, черная юбка, неудобные туфли на каблуке — моя униформа, в которой я должна сливаться с интерьером. Именно так и задумано. Официанты должны быть невидимыми и полезными. Как мебель.

На этой работе платят неплохо. Берут только девушек определенной внешности, и мне повезло, что я подхожу. За один выход на такой званый вечер я зарабатываю половину своей месячной зарплаты репетитора греческого. Так что это того стоит.

— Шампанское? — я протягиваю поднос пожилой даме в бриллиантах, от которых рябит в глазах.

Она берет бокал, даже не взглянув на меня. Для нее я пустое место. Так и должно быть.

В зале играет живая музыка, слышен звон бокалов, французская речь, греческая, английская. Дипломаты, бизнесмены, политики. Элита общества. Те, для кого моя месячная зарплата — это цена одного галстука.

Я скольжу между ними с подносом, стараясь никого не задеть, не привлечь внимания, не помешать. Краем глаза замечаю высокого мужчину в черном костюме, стоящего ко мне

спиной. Широкие плечи, идеальная осанка. Что-то в его фигуре кажется смутно знакомым, но я отмахиваюсь — мало ли в Москве хорошо одетых мужчин с хорошей осанкой.

— Осторожнее! — раздается слева, но слишком поздно.

Я резко оборачиваюсь и врезаюсь во что-то твердое и большое. Поднос наклоняется, и шампанское из трех полных бокалов выплескивается вперед, прямо на

Я поднимаю глаза — и мир останавливается.

На меня смотрит Джордж Ниархос.

Человек из моего прошлого. Призрак, который не может быть здесь. Не в Москве. Не в этом зале. Не в двух шагах от меня.

Но он стоит. В полуметре. В идеальном черном костюме и белоснежной рубашке, на которой прямо под сердцем расплывается мокрое пятно от шампанского. И выражение его лица я не могу описать. Сначала — негодование. Потом — ярость. А потом вдруг узнавание.

Оно бьет его, как током. Вижу по тому, как расширяются его зрачки, как на секунду замирает грудь, как дергается кадык.

— Вот черт, — выдыхаю я, делая шаг назад. — Простите, — выдавливаю по-английски, потом перескакиваю на греческий, окончательно путаясь в языках. — Простите. Пожалуйста. Я сейчас я принесу полотенце. Салфетки. Я сейчас. — Елена? — не то спрашивает, не то утверждает он. От его голоса у меня мороз по коже. Тот самый голос. Ко-

торый шептал мне на ухо нежные греческие слова той единственной ночью. Который обещал, что не отпустит. Который лгал.

Нужно бежать. Нужно убрать бардак, который я устроила, и бежать. Я опускаюсь на корточки и начинаю собирать осколки.

— Кто это, милый? Ты знаешь эту девуку?

Рядом с ним возникает *она*. Красивая брюнетка модельной внешности. Загорелая, длинноногая, ухоженная, в элегантном струящемся платье цвета слоновой кости. На ее пальце сверкает кольцо с бриллиантом размером с перепелиное яйцо. Хорошо, что шампанское не долетело до нее, а то визгу было бы на весь зал.

Джордж не отвечает ей. Он опускается рядом со мной на корточки — миллионер на коленях посреди приемного зала — и перехватывает мою руку, когда я тянусь к очередному осколку.

— Хватит, Елена. Встань.

Его пальцы сжимают мое запястье. Горячие. Сильные. Те самые пальцы, которые когда-то гладили мои волосы.

— Сейчас уберут другие. Встань, прошу тебя.

Прошу тебя. Он сказал «прошу тебя».

— Пусти, — выдыхаю я, выдергивая руку. — Я сама. Отпусти.

Вскакиваю так резко, что у меня темнеет в глазах. Прижимаю к груди поднос с осколками, будто это щит. Смотрю

на него — и тону в его глазах цвета Эгейского моря. В них шторм. В них вопросы. В них столько всего, что заставляет меня трусливо сглотнуть.

Разворачиваюсь, чтобы сбежать. Спрятаться и исчезнуть сейчас же! Может даже провалиться сквозь землю! Как Джордж Ниархос когда-то. Не могу когда он на меня так смотрит. Будто и не было четырех лет что мы не виделись, будто и не было той ночи, после которой его помощник выставил меня с его яхты

— Ленка, блин! — рычит Настя, несясь мне навстречу с приклеенной улыбкой и ворохом салфеток в руках. — Скройся немедленно! Я кому сказала — не позорь меня!

— Елена, подожди! — его голос разрезает зал, привлекая внимание.

Не оборачиваюсь. Влетаю в дверь с табличкой «Только для персонала», захлопываю за собой — и сползаю по стене на пол, все еще сжимая в руках проклятый поднос.

Сердце колотится где-то в горле. Руки трясутся так, что осколки звенят. Перед глазами — его лицо. Ничуть не изменившееся. Все такой же красивый. Все такой же недостижимый. Только возле губ появились новые складки, жестче стал взгляд. И эта женщина рядом. С кольцом на пальце. Красивая. Ему подстать.

Она невеста? Конечно, невеста. Или уже жена? Какая разница. Она явно подходит ему больше, чем я когда-либо могла. Чем та вчерашняя студентка в потертых кедах, которая

смотрела на него с таким обожанием четыре года назад в Афинах.

Четыре года. Четыре года я убеждала себя, что он ничего для меня не значит. Что та ночь была ошибкой. Что я вырастила нашего сына одна — и горжусь этим. Что мне не нужен мужчина, который исчезает по утрам, оставляя вместо себя помощника с деньгами.

Я зажимаю рот ладонью, чтобы не закричать.

— Елена! — дверь распахивается, я едва успеваю отшатнуться. В каморку влетает Настя. — Ты что здесь устроила? Ты хоть знаешь, на кого ты вылила шампанское?

— Знаю, — выдавливаю я сквозь слезы.

Настя застывает, вглядываясь в мое лицо.

— Ты чего реवेशь? Испугалась? Да ничего страшного, подумаешь, миллионер облитый. Он уже посмеялся над этим. Пошел рубашку менять. Вытри сопли и иди работай. У нас еще два часа приема, людей не хватает. Деньги тебе нужны?

— Нужны.

— Вот и иди. Улыбайся и работай. И чтоб никаких больше происшествий. За бокалы вычту из оплаты. Сама виновата. Поняла?

— Поняла.

Я поднимаюсь. Иду к раковине, умываюсь холодной водой, пока не начинает саднить кожу. Смотрю на себя в зеркало — бледная, глаза красные, губы дрожат. Надо взять себя в руки. Ради Гриши. Ради мамы. Ради нас. Настя протягива-

ет мне тушь, тональный крем и румяна. И вздохнув я беру косметику, привожу себя в порядок.

Когда я возвращаюсь в зал, прием в самом разгаре. Беру новый поднос, на этот раз с канапе, и выхожу к гостям. Стараюсь не смотреть по сторонам. Просто работаю. Улыбаюсь. Предлагаю закуски. Будто ничего не произошло.

Но я чувствую на себе чужой взгляд.

Куда бы я ни пошла, в какой бы угол зала ни свернула, я знаю — Джордж смотрит. Взгляд прожигает спину, заставляет руки дрожать, сбивает дыхание. Я не оборачиваюсь. Просто продолжаю двигаться, как заведенная.

Проходя мимо колонны, краем глаза замечаю его. Он стоит в окружении каких-то важных людей, но не смотрит на них. Смотрит на меня. Его невеста что-то говорит ему, трогает за рукав, обнимает за шею. Он не реагирует. Просто смотрит. Прищурившись. Неотрывно.

Я ускоряю шаг и ныряю на кухню.

— Елена, поднос с шампанским, — командует Настя. — И улыбаться!

Выхожу. Снова чувствую его взгляд.

Так продолжается два часа. Я ношу еду и напитки, а грек сверлит меня глазами. Не подходит. Не пытается заговорить. Просто смотрит. И от этого взгляда у меня подкашиваются ноги и плавится мозг. Каждый раз, когда я оказываюсь в его поле зрения, воздух становится гуще, сердце бьется чаще, а руки предательски дрожат.

Наконец прием заканчивается. Гости начинают расходиться, я помогаю убирать пустую посуду. Краем глаза вижу, как Джордж и его невеста направляются к выходу. Она берет его под руку, что-то шепечет. Он кивает, но на секунду оборачивается — и наши взгляды встречаются.

В его глазах — буря. В моих, наверное, боль и обида.

Я отворачиваюсь первой.

Через полчаса выбегаю из посольства. Вдыхаю прохладный вечерний воздух — и почти бегу к метро. Скорее домой. Забыть этот прием и эту встречу, как страшный сон. Вычеркнуть. Выкинуть из головы.

Моя маленькая квартира на окраине Москвы встречает меня запахом маминого борща и теплым желтым светом в прихожей.

Я скидываю туфли у порога и лечу в детскую.

— Мама!

Маленький вихрь с темными кудряшками врывается мне в ноги. Я подхватываю сына на руки и зарываюсь лицом в его мягкие волосы. Три с половиной года. Он пахнет печеньем и детским шампунем, его ручки обвивают мою шею — и мир снова становится правильным.

— Ты поздно, — из кухни выходит мама в фартуке. — Устала? Будешь ужинать?

— Сейчас, мамуль. — Я целую сына в щеку. — Как он сегодня?

— Хорошо. Рисовал, потом в машинки играл. Спраши-

вал, когда мама придет. Спать отказывался, тебя ждал.

Я смотрю в глаза своего мальчика. Глаза цвета Эгейского моря. Те самые, от которых я только что сбежала в посольстве.

В горле встает ком.

Гриша теребит мои волосы — он всегда так делает, когда хочет успокоиться или когда чувствует, что мне плохо.

— Мама, ты грустная? Улыбнись!

— Все хорошо, сынок. — Я прижимаю его крепче. — Все хорошо.

Глава 2

Ночью я почти не сплю.

Ворочаюсь с боку на бок, комкаю простыню, считаю овец, потом баранов, потом пересчитываю в уме свои сбережения. Ничего не помогает. Стоит закрыть глаза — и передо мной возникает он. В черном костюме. С мокрым пятном на рубашке. С этим взглядом, который преследовал меня весь вечер.

— Да чтоб тебя, — шепчу я в подушку.

Рядом в кроватке посапывает Гриша. Иногда он всхлипывает во сне — растет, говорят врачи, снятся сны. Я прислушиваюсь к его дыханию, и это единственное, что меня успокаивает. Мама спит в соседней комнате, на старом диване, который скрипит при каждом движении. Она приехала ко мне на неделю, чтобы помочь с Гришей. Папа остался на домашнем хозяйстве в их доме в области. Вот такая моя жизнь. Реальная. Осязаемая. Та, которую я строила четыре года после поездки в Грецию.

К трем утра я проваливаюсь в тревожную дремоту, и мне снится Эгейское море. Я тону в нем, захлебываюсь, а надо мной стоит Джордж и просто смотрит. Не протягивает руку. Не ныряет. Просто смотрит.

Просыпаюсь в холодном поту.

— Хватит, — говорю себе вслух. Это был просто сон. И

вчерашняя встреча — просто случайность. Москва большая. Мир большой. Больше мы не столкнемся. Двух раз более чем достаточно.

Меня морозит. Я заставляю себя подняться, иду в душ, стою под горячей водой, пока не согреваюсь. Смываю с себя вчерашний день и свой сон. К тому моменту, как завариваю кофе на кухне, я почти верю, что зря себя накрутила.

— Доброе утро, — мама появляется в дверях, одетая в видавший лучшие дни халат. — Ты чего такая бледная, доча? Ночью не спала?

— Спала, мамуль. Все нормально.

Она смотрит с сомнением, но не лезет с расспросами. Это очень ценное качество, которым обладает очень малое количество людей.

— Бабушка! — в кухню влетает маленький вихрь с растрепанными кудряшками. — А блины будут?

— Будут, будут, — улыбается мама. — Умывайся сначала, засоня.

Я смотрю на Гришу и чувствую, как отступает ночной кошмар. Вот оно, мое спасение. Моя жизнь. Мой смысл. Темные кудри, синие глаза, курносый нос и ямочка на подбородке, которую я так люблю целовать.

— Мам, сегодня выходной! Мы пойдем гулять? — Гриша забирается на табуретку. — В парк? На качели?

— Сегодня бабушка с тобой пойдет, — говорю я, наливая ему чай. — У меня ученики, малыш.

— Опять работаешь, — вздыхает сын совсем по-взрослому. — Все время работаешь.

— Зато мы завтра поедем в зоопарк. Помнишь, я обещала?

— В зоопарк! — глаза Гри загораются. — К слоникам!

Завтрак проходит в обычном ритме: мама с Гришей спорят, сколько ложек варенья можно класть в творог, я потягиваю кофе и проверяю телефон — там несколько сообщений от учеников, напоминание об оплате коммуналки и спам.

Закончив с завтраком, целую сына в макушку и ухожу в комнату. Здесь, сидя за ноутбуком, я провожу два подряд часовых занятия по греческому языку для своих постоянных учеников.

К двенадцати дня голова уже гудит. Разминаю затекшие плечи, когда мама сначала стучит, а потом заглядывает в комнату:

— Лен, я покормила Гришу супчиком, а на ужин хочу котлет нажарить. Но для фарша нужно лук купить. Еще и молоко почти закончилось, и бананы. Мы можем с Гришей зайти в магазин, когда гулять пойдем, но ты же знаешь, какой он непоседа — по всему магазину буду за ним гоняться.

— Давай я схожу, мам. Мне полезно пройтись до того, как будет следующее занятие. Гриша как?

— Пока строит дом из конструктора. Но не волнуйся. Сейчас я на кухне приберусь и мы пойдем на улицу подышим.

— Спасибо, мам.

Я натягиваю джинсы, футболку и ветровку, хватаю кошелек и телефон и выхожу из дома. Магазин расположен в соседнем дворе, так что я быстро покупаю лук, хлеб, а еще молоко, масло, печенье и яблоки.

Медленно иду по тротуару, наслаждаясь первыми теплыми весенними деньками, как вдруг, не доходя метров двадцать до своей панельки, застываю как вкопанная.

Возле нашего подъезда стоит машина. Черная, огромная, с тонированными стеклами. Рядом с облупленной скамейкой, гаражами и одинокой качелей, она выглядит настолько неуместно, что кажется инопланетным кораблем.

Я знаю такие машины. Их не покупают — их делают по спецзаказу. В них возят министров и олигархов. Они не ездят по московским окраинам.

Сердце пропускает удар, а потом начинает истерично биться где-то в горле.

Не может быть.

Не может

Пока я истерично пытаюсь найти объяснение появлению этой машины, задняя дверь открывается и из нее появляется Джордж Ниархос. В светлом пальто, с идеально уложенными волосами, с этим своим непроницаемым лицом.

Он перегораживает мне путь к подъезду.

— Елена, — одно слово, мое собственное имя произнесенное голосом с греческим акцентом, от которого у меня

перехватывает дыхание.

— Ты — голос срывается. — Что ты здесь делаешь? Как ты меня нашел?

— Это было несложно. Мои люди попросили кейтеринговую компанию, которая обслуживала вчерашний прием, поделиться информацией, — отвечает он спокойно.

— У них нет права разглашать личную информацию сотрудников, — машинально отвечаю я.

Джордж криво усмехается:

— Ты же понимаешь, что права — вещь очень условная. Я сжимаю ручки пакета с такой силой, что пальцы немеют.

— Зачем ты приехал?

— Поговорить.

— Нам не о чем говорить. Прошло четыре года. У тебя невеста. У меня своя жизнь. Все.

Я пытаюсь обойти его, но он делает шаг в сторону, снова преграждая путь.

— Пропусти меня, — говорю я тихо, но твердо.

— Неужели после всего, что между нами было, я не заслужил нескольких минут в твоей компании? Например, маленькой экскурсии по району?

— Между нами ничего не было! Пропусти, или я вызову полицию.

Джордж смотрит на меня долгим взглядом. Ему явно не нравится мой тон и мои слова.

— Я не пропущу, но ты, конечно, можешь вызвать поли-

цию, — говорит он надменно. — Это будет даже любопытно. Мне некуда торопиться, Елена. Постоим тут, подождем патруль вместе.

От его слов меня пробирает дрожь. Потому что я знаю — он не блефует. А дома мама и Гриша Если я не вернусь в ближайшее время, они начнут волноваться. А что если мама решит вывести Гришу гулять, не дожидаясь моего возвращения? Они наверняка уже покушали

Воображение тут же рисует мне картину: Гриша, выбегающий из подъезда, я с пакетом и Джордж И поразительное сходство между женщиной и ребенком — те же непокорные кудри, та же ямочка на подбородке

Нельзя. Нельзя, чтобы они встретились.

— Хорошо, — выдыхаю я. — Я не знаю, о чем ты хочешь поговорить со мной и мне нечего тебе сказать, но я готова выслушать тебя.

Джордж внимательно смотрит на меня. В его глазах мелькает удовлетворение. Он делает шаг к автомобилю и распаковывает заднюю дверь.

— Прокатимся?

Глава 3

Я оглядываюсь на подъезд. На окна своей квартиры. На дверь из которой в любое время могут появиться мама с Гришей И сажусь в машину.

Салон пахнет дорогой кожей и его парфюмом. Это тот самый запах, который въелся мне в легкие четыре года назад. Тот самый, от которого у меня тогда подкашивались колени. Тот самый, который я ненавижу сейчас, потому что он будит слишком много воспоминаний.

Водитель плавно трогается с места, и мы выезжаем со двора. Оглянувшись, я вдруг вижу как из подъезда появляются две фигуры. Взрослый и ребенок. Это мама ведет Гришу гулять.

Я перевожу дух, понимая, как близко была к катастрофе Успела.

— Все нормально? — проницательно спрашивает Джордж, сверля меня глазами.

— Будет нормально, когда ты скажешь, что тебе нужно и я вернусь домой.

— Раньше ты была более сговорчивой.

— Раньше я не понимала, что от таких как ты лучше держаться подальше, — парирую я.

Он низко смеется.

— Таких как я?

— Для которых важны только собственные желания.

— Любопытно. И что же заставило тебя прийти к такому умозаключению?

— Хотя бы то, что я не хотела с тобой разговаривать, но для тебя важнее то, что хочешь ты! — отрезаю колко. — Куда мы едем?

— Просто едем, — отвечает он, пожав плечами.

— У меня нет времени на увеселительные поездки. Через час у меня занятие с учеником.

— Ты преподаешь?

— Греческий, — отвечаю на автомате.

— Любопытно. Я смотрю у тебя обширная практика, — тянет он с явным подтекстом от которого вспыхивают мои щеки. — И много интересов.

— Простым людям нужно зарабатывать на жизнь, Джордж. Не всем повезло родиться с серебряной ложкой во рту.

Он мрачнеет. Мой удар явно попал в цель.

— И что же, Елена, как еще ты зарабатываешь на жизнь? Официантка, репетитор Что-то еще?

— А тебе какое дело?

— Мне есть дело.

— Я не желаю говорить о том, что тебя не касается.

— Тогда давай поговорим о том, что было между нами в Греции.

— Я не хочу вспоминать о прошлом!

— Тогда почему ты согласилась сесть в машину? — уточняет он насмешливо. — Ты не хочешь говорить о том, как живешь сейчас. И не хочешь вспоминать прошлое. Это как-то нелогично, Елена. Не находишь?

Я молчу. Не говорить же ему правду. Не говорить же, что я спасаю своего сына от встречи с отцом, который даже не знает о его существовании.

— Потому что я хотела, чтобы ты поскорее отстал от меня! Если тебе нечем заняться и это праздное любопытство — ок! Расскажу тебе, что я занимаюсь с учениками греческим и иногда работаю официанткой. Что-то еще? — спрашиваю с вызовом.

Машина петляет по улицам московской окраины. За окном серо и сыро. Совсем не так, как в Греции.

— Я искал тебя, — говорит вдруг Джордж.

Я поднимаю на него глаза, не веря своим ушам.

— Что?

— После той ночи. Я искал тебя. Я вернулся на яхту через несколько часов, а тебя уже не было.

— Какая жалость, — тяну я саркастически. — Прости, что разочаровала. Но мне казалось, что я правильно поняла задачу — переспать с тобой и исчезнуть, чтобы не доставлять лишних хлопот. Разве не так должны были вести себя твои любовницы?

— Что за чушь ты несешь, Елена?

— Послушай, Джордж. Та ночь была — у меня не поворачи-

чивается язык произнести слово “ошибка”, потому что благодаря ей у меня появился Гри. — Та ночь была случайностью. Ты ушел. Я ушла. К чему сейчас ворошить прошлое?

— У тебя есть кто-то? — спрашивает он внезапно. — Мужчина? Супруг?

Его взгляд скатывается на мои руки, на которых нет колец.

— Нет, я не замужем.

— Почему же?

— Это не твое дело! Я же не спрашиваю у тебя о твоей личной жизни, — отрезаю я, а потом добавляю: — Прекрасная брюнетка с вчерашнего приема в курсе, чем ты занимаешься?

Джордж застывает. Его лицо каменеет.

— Между мной и Элизой еще ничего не решено.

— Серьезно? А она в курсе? — я саркастически усмехаюсь. — Лично я вчера едва не ослепла от блеска ее бриллиантового кольца.

— Послушай, Елена

— Нет, это ты послушай меня, Джордж! Прошло четыре года. Ты нашел меня, чтобы что? Чтобы утолить свое любопытство? Предаться ностальгии о былых днях? У меня честно нет на это ни времени, ни желания. Мы чужие друг другу люди. Я официантка, которая обслуживает гостей на приемах. А ты — тот самый гость. Вот и все.

— Разве ты — он замолкает, словно обдумывает то, что собирается сказать. — Разве ты не вспоминала ту ночь?

Что я могу сказать? Что я не вспоминала? Что на миг не поверила в сказку?

— Я вспоминала. Вспоминала свое безрассудство. И твое мастерство соблазнителя. Я ни о чем не жалею. Но та ночь была просто одним случайным эпизодом.

— И много у тебя таких эпизодов в жизни?

Я устало вздыхаю.

— Вели своему водителю остановить машину. Я возьму такси до дома.

— Почему ты так нервничаешь, Елена? — Джордж разглядывает меня сузившимися глазами.

— Я не нервничаю! У меня нет времени. И, кажется, я достаточно утолила твое любопытство.

— Ты еще даже не начала

Машина тормозит на светофоре. Я хватаюсь за ручку двери и успеваю открыть ее до того, как Джордж остановит меня.

— Оставь меня в покое! Хватит.

Выскочив на улицу, я делаю попытку захлопнуть за собой дверь, но сильная рука не дает мне сделать это.

Наши взгляды встречаются. Но, вопреки моему ожиданию. Джордж не злится, он улыбается той самой улыбкой, от которой у меня четыре года назад подкосились колени.

— Еще увидимся, Елена.

Дверь хлопает, отрезая мой серый мир от его роскошного. Машина трогается. А я еще несколько мгновений стою,

наблюдая как она скрывается за поворотом.

Глава 4

Утро субботы встречает меня серым небом за окном и противным писком будильника, который я с раздражением отключаю. Гриша уже возится в своей кровати, напевая какую-то бессвязную песенку про машинки. Мама на кухне гремит венчиком по стенкам миски — значит, будут оладьи.

Обычное утро. Обычный день. Именно то, что мне нужно после вчерашнего.

Джордж Ниархос не давал спать мне всю ночь. Опять снился. Мы плыли на яхте, он смотрел на меня своими синими глазами, а потом я просыпалась в холодном поту. Четыре года как-то справлялась и надо же было этому греку появиться именно сейчас, когда моя жизнь и так еле держится на плаву.

Телефон вибрирует на тумбочке. И я подскакиваю, хватаюсь за телефон. Мне никто обычно не звонит в такое время.

— Ленка, привет! — голос Насти звучит подозрительно жизнерадостно. — Как дела? Как Гришка, не болеет?

— Привет, — отвечаю осторожно. — Все хорошо.

После того случая в посольстве мы не общались. Я даже думала, что мне не заплатят и она мне точно больше не позвонит. Но вчера на карту пришла оплата, за вычетом, конечно, тех разбитых бокалов.

— Это супер, я чего звоню, работа есть на завтра. Оплата

очень хорошая

— Опять греческое посольство? — перебиваю я, чувствуя, как внутри все сжимается. — Если туда, у меня дела, я не могу. Правда, Насть, ищи кого-то другого

— Да не кипишуй ты, все уже десять раз забыли про твой поднос! — звонко смеется она. — Это не посольство, это частная вечеринка в загородном гольф-клубе. Элитное место, закрытое мероприятие. Платят в три раза больше обычного. И такси оплачивают туда и обратно.

Я замолкаю, прикидывая в уме. В три раза больше — это очень прилично. Грише на весну нужны новые ботинки — лужи кругом, а старая обувь уже прохудилась. Да и родителям бы хорошо помочь, у них теплица из-за снега зимой провалилась

— Что за мероприятие?

— Понятия не имею, — беспечно отвечает Настя. — Скажи, нужны красивые девушки для обслуживания гостей. Все приличное, не сомневайся. Я сама буду координатором. Соглашайся, не пожалеешь. Я тебе первой позвонила, знаю же твою ситуацию

— А почему такси? — уточняю я. — Клуб как далеко?

— За городом, час езды от МКАДа. Вечером пришлют машину, утром отвезут обратно, об этом не парься. Работа часов на пять-шесть, не больше. Ну что, согласна?

Я кусаю губу. Что-то колет внутри, какое-то смутное беспокойство. Но деньги деньги очень нужны. Один из моих по-

стоянных учеников на прошлой неделе отказался от занятий — сдал экзамен, к которому со мной готовился, и уезжает за границу.

— Согласна, — выдыхаю я.

— Отлично! Вечером пришлю подробности по дресс-коду. Будь на связи.

Настя отключается, а я еще долго смотрю на погасший экран, чувствуя тревогу.

— Кто звонил? — мама заглядывает в комнату с кухонным полотенцем в руках. — Оладьи готовы, идите завтракать.

— Настя с работы, — отвечаю, поднимаясь с кровати. — Предложила подработку на завтрашний вечер. Хорошо платят.

— Опять официанткой? — мама всплескивает руками. — Лен, когда ты уже перестанешь эти подносы таскать? У тебя образование высшее есть!

— А что делать, мамуль? Грише ботинки нужны. Да и тебе с папой помочь хочется. А с моим дипломом, я разве что могу в пойти преподавать греческий куда-то, а везде платят копейки

Мама качает головой, но спорить не пробует, знает, что бесполезно.

День проходит обычно: прогулка с Гришей в парке, кормление уток в пруду. В парке я постоянно оглядываюсь, мне вдруг везде мерещатся машины Джорджа. Потом понимаю

что это бред. Зачем ему за мной наблюдать? Но все же спешу увести Гришу домой на обед и тихий час. Вечером провожу занятия по скайпу с двумя оставшимися учениками. К девяти вечера я выдыхаю, падаю на диван и только тогда вспоминаю про обещанный дресс-код.

На телефоне, как раз висит непрочитанное сообщение от Насти.

«Дресс-код для завтра: черное короткое платье, туфли на каблуках, кружевная маска. Маску выдадут на месте»

Я перечитываю сообщение три раза.

Туфли? Кружевная маска? Это что за карнавал?

Я набираю Настю. Та отвечает почти сразу:

— Ленка, получила инфу по дресс-коду?

— Да, я как раз поэтому и звоню. Маска? Платье? Это что за мероприятие?

— Лен, ну что паника? Не парься, все нормально! Это тематическая вечеринка, гости будут в масках. Официантки тоже должны поддерживать стиль. Красные туфли, чтобы в толпе ориентироваться. Все пристойно, клянусь!

— А платье? У меня нет короткого черного платья, — признаюсь я. — И туфли красные нужна? Ты написала просто туфли

— Есть же у тебя то, базовое в котором ты на выпускной ходила? — Настя вздыхает. — Ладно, найдем. У меня есть запасное тебе как раз подойдет. Туфель тоже нет?

— Туфли есть, — отвечаю я.

Красные лодочки на каблуках купила два года назад на распродаже, мечтая надеть их куда-то. Но с Гришкой дальше детских площадок я никуда не хожу. Поэтому туфли так и пылятся в коробке на стеллаже шкафа.

— Вот и отлично. Завтра в шесть вечера машина будет у подъезда. Оплата после мероприятия. Не забудь сделать макияж, да поярче! И не опаздывай.

Вечером я сижу на кухне с чашкой чая и все хочу написать Насте сообщение о том, что отказываюсь от выхода на это мероприятие. Но деньги деньги будут не лишние.

Глупо отказываться. Что может случиться? Подумаешь, правда тематическая вечеринка. Богатые люди любят такие штуки.

Приняв душ, я иду в комнату к сыну. Гриша спит, раскинув руки, его темные кудри разметались по подушке. Я осторожно поправляю одеяло, касаюсь губами теплого лба.

Господи, как же я его люблю.

Утро воскресенья проходит в суете. Мама помогает уложить Грише волосы, я пытаюсь найти в шкафу подходящую к наряду на вечеринку сумочку. Куда-то же надо положить телефон

К пяти вечера я уже на взводе. Платье Настя прислала с курьером действительно, простое, черное, с тонкими лямками и чуть выше колен. Сидит на мне идеально.

— Выглядишь очень хорошо, — мама оглядывает меня с головы до ног, когда я выхожу из комнаты, поправляя воло-

сы. — Так сейчас официанты ходят?

Я смущенно смотрю на себя в зеркало и пожимаю плечами.

— Это какое-то крутое мероприятие.

— Ну, ладно. Только будь осторожна, — говорит мама.

Я обнимаю Гришу, который капризничает и не хочет меня отпускать. Он опять прогулял дневной сон.

— Мама скоро вернется, малыш. Слушайся бабушку.

— Ты красивая, — вдруг говорит он, глядя на меня серьезно. — Как принцесса.

У меня щиплет в носу от его слов. Он так редко видит меня нарядной и с макияжем. Обычно я всегда в удобной одежде типа джинсов и футболки, в кроссовках и совсем без косметики.

— Спасибо, мой хороший.

Ровно в шесть у подъезда тормозит черный автомобиль с тонированными стеклами. Не такой роскошный, как у Джорджа, но тоже дорогой. Водитель открывает дверь, я сажусь на заднее сиденье и машина плавно трогается.

Я откидываюсь на сиденье и закрываю глаза. Надо пережить всего несколько часов. А потом поеду сразу домой, к сыну. Он будет уже спать, скорее всего, но я обязательно обниму и поцелую его и потрачу все заработанные деньги на его нужны. Ведь все что я делаю в этой жизни, это ради него.

Глава 5

— Вход для персонала слева, — бросает водитель, когда машина останавливается, указывая рукой направление.

Гольф-клуб оказывается огромным особняком в стиле модерн, утопающим в огнях. Подъездная аллея освещена фонарями, у входа виднеются редкие гости в дорогих костюмах. В основном одни мужчины. Почему-то от этого факта мои внутренности сжимаются в комок.

— Спасибо.

Я выхожу из машины и расправляю собравшееся на бедрах платье. Чувствую себя некомфортно и неуверенно. Но все “за” в списке, который я сформулировала в своей голове, перевешивают “против”.

Вход для персонала выводит меня в длинный коридор, где уже толпятся девушки, одетые в точно такие же наряды как у меня. Настя стоит в центре этого хаоса с планшетом в руках. На ней, в отличие от остальных, шелковое красное платье в пол, светлые волосы убраны в элегантную ракушку на голове, на лице безупречный вечерний макияж, который делает ее немного старше.

— Ленка, наконец-то! — она кивает мне. — Надевай маску, живо. Сейчас будет короткий инструктаж.

Я натягиваю кружевную маску, чувствуя, как она непривычно щекочет кожу. Мы проходим в небольшую комнату,

где нас всего человек пятнадцать. Все девушки стройные, красивые, в одинаковых платьях.

— Значит так, девочки, — Настя хлопает в ладоши, привлекая внимание. — Работа простая. Вы находитесь в зале, общаетесь с гостями, поддерживаете беседу. Бар оплачивает все, что закажете. Ваша задача, чтобы гости были довольны. Никакого алкоголя в больших количествах, следите за собой. Если кто-то из гостей проявляет излишнее внимание, зовите охрану. Все понятно?

Я хмурюсь.

— Насть, а подносы? А как же разносить напитки, закуски, этого не будет?

Настя недовольно цокает, взмахивает рукой, отпуская девушек, а меня отводит в сторону и понизив голос, говорит:

— Лен, тут немного другая работа. Не переживай, ничего криминального. Просто развлекаешь гостей, болтаешь, улыбаешься. Чисто общение, поддерживаешь приятную атмосферу.

— Я думала, я официанткой буду работать, — говорю я тихо, чтобы не слышали остальные. — Как в посольстве

— Лен, — Настя закатывает глаза и объясняет словно маленькому ребенку. — Там платят копейки. А здесь можно заработать реальные деньги. Ты просто постой красиво, выпей шампанского, улыбнись пару раз. Расслабься. Час-два и свободна, зато на карте приличное пополнение.

Я смотрю на нее и понимаю, что попала в какую-то сомни-

тельную историю.

— Я не хочу. Я на это не подписывалась.

— Лен, ну поздно уже пить боржоми. Машина уехала, как ты домой доберешься? Такси за свой счет? Не дури, я же тебя идиотку первую сюда позвала. А ты знаешь сколько желающих было? — шипит Настя.

— Хорошо, — цежу сквозь зубы. — Если что-то идет не так, я ухожу.

— Договорились.

Мы выходим в главный зал.

Он огромный, с высокими потолками, хрустальными люстрами и панорамными окнами, выходящими на ночной гольф-клуб. Везде диваны, столики, гости в масках. Играет приглушенная музыка, в воздухе висит запах дорогого парфюма и сигар.

Я беру с подноса бокал шампанского и стараюсь слиться с толпой. Девушки в красных туфлях перемещаются между гостями, смеются, флиртуют. Кто-то уже сидит на диванах в обнимку с мужчинами, намного старше их по возрасту.

У меня внутри все переворачивается от отвращения, когда я вижу как один из них лапает коленки сразу двум девушкам, сидящим по бокам от него.

— Детка, ты одна?

Ко мне по-английски обращается пожилой мужчина. Он потный, с брюшком, которое нависает над ремнем брюк. Галстук съехал набок, глаза маслянисто блестят из-под маски.

От него разит перегаром и потом. Он выглядит отвратительно

— Я работаю здесь, — отвечаю сухо, делая шаг назад.

Стараюсь сохранить между нами приличное расстояние и не сближаться с ним.

— А я отдыхаю, люблю отдыхать, — он скалится, обнажая желтоватые зубы. — Я англичанин. Сэр Уильям Блэк. Слышала о таком?

— Приятно познакомиться, мне нужно в уборную, — я пытаюсь обойти его, но он перегораживает путь.

— Куда ты, детка? Посиди со мной. Я щедрый, очень щедрый.

Он лезет во внутренний карман пиджака и достает пачку денег. Евро, доллары, фунты. Я никогда не видела столько денег в одном месте. Трясет ей перед моим носом.

— Сколько стоит твое время? — он дышит мне в лицо, и меня мутит. — Сто? Двести? Называй цену. Я могу заплатить сколько захочешь.

Страх сковывает тело. Куда я, блин, попала?

— Я не продаюсь, — чеканя каждое слово, говорю я. — Я официантка. Если хотите шампанского, я могу его принести. Может так мне удастся от него отделаться?

— Какая строптивая, — он хохочет, привлекая внимание окружающих. — Люблю таких. Ломаются сначала, а потом

Он тянет ко мне руку и пытается засунуть купюру за декольте моего платья. Я отшатываюсь, и выплескиваю шам-

панское ему в лицо. Оно стекает и капает на его рубашку.

— Ах ты дрянь! — рычит он. — Знаешь, кто я такой?

— Извините, — бормочу я, пытаюсь отступить. — Я случайно

— Никуда ты не уйдешь! Я заплатил за этот вечер! А ты теперь все отработаешь, будешь слизывать с меня все это.

Он хватает меня за запястье, сжимая до боли. Я пытаюсь вырваться, но он сильнее. Сердце колотится где-то в горле, в глазах темнеет от страха. Где охрана? Где Настя?

Я лихорадочно оглядываю зал. И вдруг в полутьме, на диванчике в глубине, вижу его.

Он здесь

Джордж.

Он сидит в окружении нескольких мужчин, с бокалом виски в руке, расслабленный и такой красивый. На нем черная рубашка, расстегнутая на пару пуговиц, маска сдвинута на лоб. Он смеется над чем-то, что говорит его сосед, и не видит меня.

Я не думаю ни секунды.

Вырываю руку с такой силой, что англичанин теряет равновесие, и бегу через зал. Туфли скользят по паркету, я спотыкаюсь, путаясь в собственных ногах.

— Джордж!

Я падаю перед ним на колени, хватаясь за его ногу.

Он застывает, медленно переводит глаза от своего собеседника на меня и скользит взглядом по моему лицу, по мас-

ке, которую я приподнимаю, чтобы он узнал меня, по волосам, которые растрепались из прически, по вырезу моего платья и ниже...

— Елена? — его голос звучит чуть хрипло и удивленно.

— Пожалуйста, — шепчу я, задыхаясь. — Помоги мне уйти отсюда.

Рядом с ним высокий брюнет с утонченными чертами лица, явно француз, поднимает темную бровь:

— Ты знаешь эту очаровательную особу, Жорж?

Джордж смотрит на меня еще секунду, потом его взгляд уходит за мою спину. Я тоже оборачиваюсь. Проклятый англичанин уже здесь, пыхтит, как паровоз, лицо красное от злости, галстук совсем съехал, а на рубашке виднеется мокрое пятно.

— Эта девка моя, — заявляет он, пытаясь вновь схватить меня за руку. — Я за нее заплатил.

Я сжимаюсь, ожидая как минимум удара

Джордж медленно ставит бокал на столик. Так же медленно поднимается, берет меня за руку, помогая мне встать и оттесняет себе за спину.

Он выше англичанина на полголовы, шире в плечах, выглядит устрашающе, но отчего-то я не боюсь его, а наоборот ощущаю защиту

— Вали отсюда, — говорит он ледяным тоном. — Она моя.

Толстяк злобно оскалился.

— Я выкуплю ее. Назови цену.

— Она не продается.

Я вижу, как плечи Джорджа напрягаются, как он сжимает кулаки. Его приятель француз поднимается с места и становится рядом, закрывая от меня полностью этого Уильяма.

— Сэр, кажется вам душно, не хотите выйти проветриться? — спрашивает француз.

В зале начинают шушукаться, мы привлекаем слишком много внимания. Все смотрят на нас. Настя застыла с бокалом шампанского на другом конце помещения и выглядит так, словно проглотила дольку лимона.

— Молодые и дерзкие, да? Я вас запомнил и тебя — тычет в мою сторону толстяк.

Я обнимаю себя за плечи и отворачиваюсь, стараясь скрыть дрожь.

— Мы только что заимели во враги сэра Уильяма Блэка, ну спасибо, Жорж. Ни дня без приключения, да? — вздыхает француз, когда мы наконец остаемся втроем.

— Мне плевать, — Джордж разжимает кулаки и поворачивается, бегло скользя по мне взглядом. — Что ты здесь делаешь, Елена?

— Работаю Я думала, меня позвали обслуживать вечеринку, как в посольстве. Я не знала, что это будет так — лепечу сбиваясь.

— Познакомишь меня со своей подругой, Жорж? — вклинивается в разговор француз.

Грек бросает на него свирепый взгляд, ничего не отвечая. Берет со спинки дивана пиджак и накидывает мне на плечи, а потом протягивает ладонь и твердо произносит:

— Мы уходим отсюда, Елена.

Глава 6

Я цепляюсь в его ладонь, как в спасательный круг. Мы идем через зал, сквозь рассыпающихся гостей, которые бросают на нас удивленные взгляды и шепчутся. У выхода дорогу преграждает Настя.

Она удивленно смотрит на Джорджа, на наши соединенные руки и вскидывает вверх красиво очерченную бровь.

— Лена, ты куда? — с притворной невинностью лепечет она. — Уже уходишь? А работа?

— Не звони мне больше, — отвечаю резко.

Настя злобно щурится и кидает в меня:

— Неблагодарная.

Плевать мне на нее. Если ей нормальна такая работа, то мне совсем не нормально. Я в ужасе, куда сегодня завела меня жизнь и что со мной сделал бы этот Уильям Блэк, если бы там не было моего Джорджа.

Моего

Джордж даже не смотрит на Настю. Просто ведет меня дальше, прямо на улицу.

Ночной воздух бьет в лицо. Я ежусь от ветра и глубже кутаюсь в пиджак грека, который окутывает меня сладким терпким ароматом его парфюма с примесью табака. Я делаю глубокий вдох и понимаю, что дрожу. И не понимаю то ли от холода, то ли от шока.

— Садись, — говорит Джордж и открывает пассажирскую дверь знакомого черного автомобиля.

Того самого, что ждал меня у подъезда несколько дней назад.

Я клацаю дрожащими зубами и качаю головой.

— Я с тобой не поеду. Ты пил, тебе нельзя за руль.

— А ты пила? — спрашивает мужчина.

— Я сделала только глоток шампанского

Джордж вдруг наклоняется и почти касается моих губ своим носом. По моей коже бегут мурашки, вот сейчас они точно возникли не из-за пронизывающего ветра! А из-за близости запретного для меня мужчин такого знакомого и далекого одновременно.

— Дыхни.

— Что ты делаешь? С ума сошел? — шепчу я, когда понимаю, что он и не собирается отстраняться.

Он что серьезно?

Топнув ногой от безысходности, приоткрываю рот и выдыхаю.

Джордж удовлетворительно кивает, задерживает взгляд на моих губах, которые тут же начинает покалывать и наконец выпрямляется.

— Ты сядешь за руль.

— Я никогда не водила такую большую машину, — произношу я, пребывая в легком шоке.

Не то чтобы я вообще часто водила машину. Я сдала на

права сразу как мне стукнуло восемнадцать, и иногда папа давал мне свою старенькую “Ладу”, чтобы съездить на рынок в городке где они живут, а там всего был один светофор!

— Я рад, что моя машина будет у тебя первой, — криво улыбается грек и мне хочется его ударить.

Спорить с ним бесполезно, и я хочу побыстрее убраться из этого места и вернуться к сыну, поэтому киваю.

— Хорошо, но если я врежусь в столб и разобью твою машину, то не буду за нее платить. Ты понял?

— Более чем, — отвечает грек.

Он обходит капот и галантно открывает для меня водительскую дверь. Его машина высокая, не представляю, как залезть и не засветить в этом платье свое нижнее белье

Но долго ломать голову над этим не приходится, потому что Джордж, вдруг подхватывает меня под колени и опускает на кожаное сиденье. У меня перехватывает дыхание от нашего внезапного тесного контакта, а сердце начинает биться быстрее. И совсем переходит на галоп, когда грек проводит ладонью по моей ногу и стаскивает с меня туфли.

— На этих шпильках ты не можешь жать на педаль, — поясняет он, швыряя обувь на заднее сиденье.

— Я могла и сама это сделать, — огрызаюсь я, резко дергаю на себя ручку двери и захлопываю ее перед длинным носом грека.

До моих ушей долетает его раскатистый смех.

После короткого инструктажа мне удастся тронуться с ме-

ста с третьей попытки. На трассе я вглядываюсь в лобовое стекло, стараясь не моргать. Все мое тело напряжено, а нервы буквально звенят. И это не только от того, что я сижу за рулем машины, стоимостью как моя квартира, причина моего волнения вальяжно развалилась на пассажирском сиденье.

— Часто ты посещаешь такие места? — спрашивает Джордж.

— Что? — я не сразу понимаю о чем он говорит.

— Ты работаешь в эскорте? Давно?

Машину ведет в сторону, потому что я таращусь на грека в негодовании. Меня охватывает ярость. Только что этот человек вытащил меня из передраги, а теперь оскорбляет!

— Нет! Я уже сказала, я думала это работа официанткой! Или мой греческий стал так плох? Повторить по-английски?

— Я хорошо понимаю тебя, Елена.

— Я понятия не имела, что это за мероприятие! Мне сказали, нужны девушки для обслуживания гостей, как в посольстве! Я думала, я буду разносить напитки! Мне нужны деньги, но не настолько чтобы лечь под такого как ваш этот сэр Уильям! — рычу я, вцепившись в руль до побелевших костяшек. — Да и вообще ни с кем спать за деньги я не собираюсь!

Перед глазами всплывает образ помощника Джорджа, который выпроваживая меня с яхты сунул мне конверт с тысячей евро. Сердце болезненно сжимается. Он ведь тоже из этих, что ему еще делать на этой вечеринке?

— Я верю тебе, Елена. Если тебе нужна работа, то я могу помочь.

— Мне от тебя ничего не нужно, — шепчу я, не смотря в его сторону.

Я замолкаю и сосредотачиваюсь на дороге, за окном мелькает лес, а вдали виднеются огни заправки. Город уже не так далеко. Я планирую довезти нас до ближайшего метро, оставить машину на парковке и попрощаться с греком, надеюсь на этот раз уже точно навсегда.

— Ты дрожишь. Замерзла? — спрашивает Джордж.

Я поправляю съехавший с плеч пиджак, и поджимаю пальцы на босых ногах.

— Нет.

— Давай заедем на заправку.

— Зачем?

— У нас топливо почти на нуле.

Мы останавливается на заправке. Джордж выходит из машины и через несколько минут возвращается с картонным стаканчиком.

— На, — протягивает мне. — Выпей.

— Спасибо

В стаканчике кофе с молоком, затем грек кладет на приборную панель несколько шоколадных батончиков.

— Я не знаю, какой тебе нравится поэтому взял все, — поясняет мужчина.

— Я люблю с орехами, а сын с вот этот детский с нугой,

— произношу я, улыбаюсь перебирая шоколад. — Можно возьму ему один?

— Бери все, я могу еще купить.

— Нет, больше не нужно.

— У тебя есть сын? — после короткой паузы интересуется Джордж.

И только тогда я понимаю, какую сделала ошибку несколько секунд ранее, сказав ему о ребенке. Гришка только мой сын и я не представляю, что будет если его биологический отец узнает о нем. Даже думать об этом не хочу, сразу накрывает волной паники и тревожности. Я знаю множество историй, когда отцы иностранцы просто отбирали детей у их матерей и вывозили из страны

— Да, есть. Но мы не будем обсуждать мою личную жизнь. Куда тебя отвезти? — стараюсь, перевести тему.

Джордж внимательно смотрит на меня, будто считывают всю мои мысли. Но это же невозможно, телепатии не существует, разве что в каком-нибудь фантастическом кино

Отворачиваюсь, чтобы спрятать свои эмоции глубже.

— Езжай к себе, я вызову такси, а завтра заберу машину.

До моего дома мы почти не разговариваем, в какой-то момент мне даже кажется, что грек спит, но когда я кошусь в его сторону, вижу что он хмурит брови и что-то пишет в своем телефоне. Наверное невесте свой сочиняет оправдательную сказку.

— Спасибо, что выручил меня. Не знаю, чтобы со мной

было там, если бы не ты, — произношу я, заглушая мотор, около своего подъезда.

— Даже думать об этом не хочу, — серьезно отвечает Джордж.

Мы какое-то время смотрим друг на друга, пока я не понимаю, что мне пора идти

— Пока, Джордж. И еще раз спасибо.

— До встречи, Елена.

Не дай бог, нам опять пересечься, Джордж.

Я забираю свои туфли и почти бегом, насколько позволяют каблуки, несусь в сторону подъезда. Уже в квартире я понимаю, что на моих плечах все еще остается пиджак грека, а значит еще одна встреча точно неминуема.

Глава 7

Джордж

Елена давно зашла в подъезд, а в салоне автомобиля все еще пахнет ее духами... Недорогими, наверное, но такими знакомыми. Тот же легкий едва уловимый аромат, за которым хочется следовать, что и тогда, в Афинах в нашу первую встречу. Сердце болезненно бьется о ребра, когда я думаю о том времени. Елена совсем не изменилась.

Совсем. Та же нежная кожа, те же зеленые глаза, тот же испуганный взгляд, когда я подхожу слишком близко или пытаюсь до нее дотронуться. А трогать ее хочется постоянно, еле сдерживаю себя.

Черт бы побрал эту встречу. Черт бы побрал эту женщину.

Четыре года я считал ее потерянной для себя, в какой-то момент вообще решил что эта Елена плод моей фантазии. Сомневался, что она вообще существует, а она была здесь, на окраине Москвы.

Я провожу ладонью по лицу и чувствую, как дрожат пальцы, сжимаю их в кулак. Мне до сих пор хочется впечатать его в рожу сэра Уильяма Блэка.

Выхожу из машины, долго смотрю на свет в окнах многоэтажки, пытаюсь понять какие принадлежат Елене. Бесполезно.

В один момент, кажется, что шторы на седьмом этаже ше-

велятся, но потом там гаснет свет.

Чуть позже, продрогнув до самых костей на ветру, вызываю такси и возвращаюсь в отель. В номере заказываю виски. Много виски.

Виктория оставила мне пять пропущенных и кучу сообщений. Я даже не открываю. Знаю, что там: вопросы, где я, почему не отвечаю, не случилось ли чего. Она хорошая девушка. Красивая. Удобная. Но сегодня, глядя в глаза Елене, я понял, что два года с Викторией были ошибкой.

Мы не помолвлены.

Это она носит кольцо на безымянном пальце и представляет меня как жениха. Сначала я поправлял ее, но потом стало все равно.

Утром сквозь сон, слышу настойчивую вибрацию телефона на тумбочке рядом с кроватью.

Звонит Леон.

— Жорж, ты там жив? Я звоню уже тридцать минут. Или ты в сладком плену у твоей вчерашней знакомой?

— Заткнись, — бросаю раздраженно в трубку, переворачиваясь на спину и смотрю в зеркальное покрытие на потолке.

Леон смеется.

— Обычно ты любишь похвастаться своими достижениями, помнишь, как в молодости мы соревновались кто больше за ночь оприходует цыпочек.

— Нам было по восемнадцать и у нас не было мозгов, —

стону я.

— Они были, просто мы предпочитали думать не тем местом, где они находятся. Так ты в номере? Я торчу в холле твоего отеля и жутко голоден.

— Поднимайся. Закажем завтрак.

— Окей.

Леон отключается, а я поднимаюсь с постели и пытаюсь преодолеть тошноту и головокружение иду открывать ему дверь.

Друг в той же одежде, что и вчера, появляется на пороге через пару минут. Его волосы взлохмаченные, рожа помята, а на шее красуется лиловый засос. Даже спрашивать не буду

— Я в душ, — говорю я.

— А я тогда закажу нам пожрать. Овсянку, будешь, сэр?

— Кофе. Черный.

— Так и запишем, никакой овсянки и ничего общего с англичанами.

Леон потешается, а у меня нет никакого настроения поддерживать его шутки насчет Уильяма Блэка.

Через двадцать минут я возвращаюсь в номер из ванной.

Леон переписывается в телефоне, скинув ботинки и пиджак, разлегся на диванчике в гостиной. Завтрак уже привезли и этот клоун реально заказал нам овсянку.

Качаю головой, наливая себе кофе.

— Я так понимаю ты провел ночь с той девушкой, с которой уехал вчера? Тогда чего такой хмурый? — спрашивает

друг.

— Я с ней уехал, но не был с ней ночью. Я был здесь. Пил.

— Уууу Кто она? Ты на нее так смотрел, как никогда не смотрел на Викторию

Он вдруг оказывается слишком проницательным. Я подхожу к окну и долго молчу. Леон мой друг со времен колледжа. Близкий и надежный человек. Но даже ему сложно доверить свои мысли о Елене.

— Помнишь, четыре года назад в Афинах я встретил одну русскую девушку?

— Ту самую, из-за которой потом исчезла, а ты полгода ходил сам не свой? — Леон свистит. — Seriously? Это она?

— Да.

— Где ты ее нашел?

— Мы встретились в посольстве на приеме, я ее узнал. Она работает официанткой. А затем сегодня на вечеринке она была там среди девушек по вызову.

— Что? — Леон таращит глаза, садиться прямее. — Жорж, ты хочешь сказать

— Нет. Она не такая. Ее обманули. Думала, будет обслуживать гостей как официантка. А оказалось вот это.

— И ты, конечно, бросился ее спасать, — в голосе Леона слышна усмешка. — Мой романтический друг.

— Заткнись.

— Я серьезно, ты же влюблен в нее до сих пор. Мне это очевидно. Бросишь Викторию?

— Да. К этому давно идет, — произношу я, сжимая переносицу двумя пальцами.

Влюблен ли я в Елену? Я не знаю. Четыре года я злился на нее. Думал, что она оказалась очередной девицей, которая получила свое и исчезла. Мои люди искали ее, но в отеле котором она остановилась, не записывали подробную информацию о постояльцах. И след исчез. Я полагал, она специально скрылась, но выкинуть из головы ее не мог. А сегодня она смотрела на меня с такой обидой, словно это я ее оставил тогда на яхте, а не она меня.

Мне стоит в этом разобраться. жаль нельзя отмотать время назад.

— Леон, — говорю я. — Она сказала, что у нее есть сын.

— И что?

— Не знаю. Просто сказала. Но когда она это произнесла, в ее глазах был страх. Будто она сказала лишнее. Я всю ночь об этом думал, пока не вырубился. Не могу выкинуть из башки эти ее слова.

— Жорж, ты хочешь сказать

— Я не знаю, что я хочу сказать. — Я тру лицо ладонями.
— Черт, я вообще ничего не понимаю.

Леон молчит какое-то время. Потом говорит задумчиво:

— У меня есть знакомый частный детектив в Москве. Очень хороший. Могу дать контакт.

— Откуда? Хотя, ладно, не хочу знать зачем тебе частный детектив. Ты предлагаешь мне следить за ней?

— Я предлагаю тебе узнать правду, — усмехнувшись отвечает Леон.

Я сжимаю чашку с кофе. Слежка это грязно и низко. Но я не могу просто сидеть в неведении. В прошлый раз я ее потерял. В этот раз я должен знать.

— Хорошо. Скинь контакт.

На следующий день я встречаюсь с детективом. Невысокий лысоватый мужчина с цепкими глазами, говорит по-английски с ужасным акцентом, но сразу видно профессионал, бывший полицейский. Я даю ему имя, фото, показываю на карте адрес, который остался в навигаторе моей машины. Он обещает результаты через пару дней.

Виктория устраивает скандал. Я пропустил ужин с каким-то ее важным агентом или фотографом, не отвечал на звонки.

Она плачет, говорит, что я ее не ценю, что наши отношения зашли в тупик. Я соглашаюсь и предлагаю расстаться. Она рыдает еще сильнее. Хочет оставить последнее слово за собой. Говорит, что через неделю уезжает в Париж на съемки, и там подумает о наших отношениях. Я киваю и чувствую облегчение. Она может думать сколько угодно, я уже все решил.

Через два дня звонит детектив и назначает встречу на которую он приносит тонкую синюю папку приносит папку.

— Было весьма просто, господин Ниархос, — говорит он, кладя ее на стол. — Елена Любимова, двадцать пять лет. За-

кончила филфак МГУ, работает репетитором греческого и подрабатывает в кейтеринге. Родители проживают в области, сама живет с сыном по тому адресу, что вы скинули. Квартира в ипотеку, платит исправно..

— Сыном? Сколько лет, как зовут узнали? — переспрашиваю я, и сердце пропускает удар.

— Да. Грэгори, три с половиной года. Странное имя, да? — крикает детектив, заметив мой хмурый взгляд, становится серьезнее. — Называет Гришей, Григорий. Родился в Москве, в графе отец прочерк. — Детектив пододвигает ко мне фотографию. — Вот, можете посмотреть.

Я беру снимок, на фото симпатичный мальчик. Темные кудри, такие же непокорные, как у меня в детстве. Глаза, будто в зеркало смотрю, глаза всех Ниархосов. Он улыбается в камеру, показывая пальцем на что-то за кадром.

Мир рушится. Я чувствую, как дрожит рука, которой я сжимаю край фотографии.

Я смотрю на это фото и не могу дышать. Правда чересчур фантастическая. Четыре года назад мы провели ночь на моей яхте и Елена забеременела, а затем и родила моего сына.

Я прощаюсь с детективом, перевожу круглую сумму на его счет, и выхожу из ресторана, в котором мы встречались.

Сажусь за руль своей машины, кинув папку с досье на Елену, на пассажирское сиденье и завожу мотор. Я еду к ней и к нашему сыну чтобы во всем разобраться.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.